

Загадочной историей в точном смысле этого слова из трех напечатанных в книге можно назвать только первую—«Встречу», меланхолически повествующую о странном исчезновении бюста одного венецианца из городского музея Венеции.

Впрочем, общее заглавие всех этих трех историй—и заглавие несомненно удачное—дано не автором, а переводчиками. Ренье называет их не «загадочными», а *Histoires incertaines*: это, к сожалению, точно непереводимо, но может быть понятно, как «неясные, недостоверные (неверные, неточные) истории», что ближе к содержанию их и более полно выражает замысел автора.

В целом книга—занимательная, написанная мастерски прекрасным языком с тонко разработанной композицией (исключая «Запертый павильон»).

Перевод «Историй», сделанный Вс. Рождественским и А. А. Смирновым выполнен тщательно. Краткое предисловие Смирнова написано сжато и дельно.

Борис Анибал.

Альберт Эдвардс. Товарищ Иетта, роман. М. 1925 г. Издательство ВЦСПС. 136 стр., ц. 75 к.

Издательство ВЦСПС задумало план издания серии книг рабочей художественной библиотеки из произведений русских и иностранных писателей, отражающих жизнь и быт рабочих.

В центре романа молодая работница Иетта Раевская. Судьба ее удивительна и чудесна. Как-то вечером после работы Иетта случайно попадает на бал-митинг, устроенный в пользу бастующих рабочих швейников—ее товарищей по ремеслу, и этот вечер решает ее судьбу. Впервые услышав о социализме, Иетта с горячим увлечением отдается новому для нее учению. Руководители рабочего движения угадывают в ней недоужинную работницу-организатора. Ей поручают ответственную работу по проведению плана забастовки работниц, и она успешно выполняет ее. Перед Иеттой развешиваются блестящие перспективы, с ней начинают уже посылаться. Одна из дам-патронесс

Лиги Женского Рабочего Союза—миллионерша—предлагает дать ей средства на учение.

Общественная работа хорошо и удачно далась Иетте. Сложней и болезненней складывается ее личная жизнь с неудовлетворенными чувствами и порывами. Но цельная и здоровая личность Иетты организует и эту область, подчиняя ее общественному служению. В этой борьбе личного начала и общественного долга особенно выразительно встает целостный образ героини.

Роман в целом написан без притязаний на большую художественность и без психологических тонкостей, но живо и занимательно. Удачно даны отдельные сцены (столкновения забастовочных пикетов с полицией, борьба рабочих с хозяйчиками). Книга читается с интересом, и ее можно рекомендовать в рабочие библиотеки. Цена книги невысока.

П. Зайцев.

А. Франс. Роман актрисы. Из-во «Пучина». Ленинград — Москва. 1925 г. Стр. 235.

Под таким, достаточно бульварным заглавием издан роман А. Франса «*Histoire comique*».

Думается, что даже к заглавиям, если они проставлены рукой большого художника, следует относиться с большим вниманием и не заменять их безвкусными вывесками в надежде на легчайший сбыт. Столь же безвкусна и обложка. Издание определено рыночное.

Предисловие, нужность которого сомнительна, ничего существенного не говорит ни об авторе, ни о романе. Оно только гурмански подчеркивает «несомненное удовольствие», ожидающее того, кто займется медленным чтением романа, да поругивает советского читателя за его неуместную в утонченном эстетском обществе манеру «глотать» книги.

Все это в достаточной мере бессодержательно. Франс имеет полное право на то, чтобы появиться перед нашим читателем без подобных реверансов.

Его у нас любят и без того. Он надолго останется нам памятен и как большой художник и как заме-

чательный ум, которому подлинная культура не только не помешала, но помогла протянуть нити сочувствия русскому рабочему-революционеру.

Таким образом, оправа, в которой выпущен перевод «Комической истории»,—довольно дешевого вкуса. Что же касается самого романа, то он, полный тонких и лукавых мыслей, ярких сатирических набросков, острых нападений на условности так называемого «общества» и лицемерие буржуазного «порядочного» человека, ценен, главным образом, этими будирующими чертами. Сама же любовная история, составляющая его канву, задумана и проведена далеко не так счастливо, как мы вправе ждать от Франса. Образ актрисы парижского театра «Одеон», бросающей своего любовника, актера-неудачника и сходящейся с другим, выписан, правда, с обычным для Франса блеском. То же относится и к другим фигурам, как центральным, так и второстепенным. Последние как раз даже особенно четки, характерны и разнообразны. Но разрыв героини со своим новым любовником только из-за того, что первый возлюбленный покончил с собой, запретив ей перед смертью продолжать связь с его счастливым соперником, и не перестает появляться перед женщиной всякий раз, как она нарушает запрет,—разве это не искусственное навинчивание сюжета, совершенно неубедительное, так как никаких внутренних поводов для разрыва нет (Фелиси не чувствует к погибшему не только любви, но даже жалости)? Получается просто-на-просто патологический случай, ни для кого не убедительный. Причина этой очевидной художественной ошибки—упростительский взгляд А. Франса на обусловленность внутреннего мира человека его физической природой. Основываясь на том очевидном для всех материалистов факте, что наши переживания суть не что иное, как обратная сторона явлений, совершающихся в нашем организме, писатель совершенно неосновательно решает, что он вправе свести сложное внутреннее переживание к простому неврозу, навязчивой идее или иной болезни нервных и мозговых центров. Мысль эта, характерная для недиалектического,

заимствованного Франсом от XVIII в., материализма, сама по себе не соответствует действительному положению вещей, а потому и в художественной практике не может отразиться ни чем иным, как художественной ошибкой.

За вычетом этого крупного недостатка, роман представляет из себя образчик мастерства почившего художника.

Д. Горбов.

Пьер Амп. «Больная промышленность». С предисловием Б. Суворина. Госиздат. Москва 1924 г. 341 стр.

Есть книги-документы, документы эпохи. Такой книгой и является работа Пьера Ампа.

Пьер Амп—безусловно талантливый человек и в той же степени талант его, так сказать, разнобоек. Пьер Амп принадлежит к тому числу писателей, у которых, по существу, нет социологического стержня, и отсюда—страницы, иногда блестяще написанные,—то насыщенные веянием революции, то исполненные любви к «прекрасной Франции».

Что он хотел сказать? Книга Ампа—апология, нет, даже больше,—апофеоз труда:

«Праздность должна стать позорной в обществе. Общественное уважение должно придать высшее благородство труду, который до сих пор был в пренебрежении и от которого бежали...» (стр. 239).

Немного можно встретить, пожалуй даже в мировой литературе, таких изумительных по силе и яркости страниц, посвященных труду, как вся, правда, коротенькая, глава: «Искусство и труд».

Вот один небольшой отрывок:

«Рабочий каждый день своими руками осуществляет спасение мира. Искусство ему обязано своею новой жизнью. Картины любви и молитвы уже исчерпаны для артиста. Скорбная красота труда,—кто ей поклонялся? После всех затасканных образов вот картина нового Возрождения: доменная печь открывает свою пасть, откуда вырывается огненный рев в лицо бесстрашным рабочим; вагранка дышет в небо хохотом искр, обгоняющих птиц. В глубине белых паров появляется льнопря-